

ЗАПРЕЩЕННАЯ ЦЕНЗУРОЙ СТАТЬЯ ОБ ОСТРОВСКОМ

Публикация В. Э. Богграда

Впервые о том, что Слепцов написал статью «О „Доходном месте“ Островского», мы узнали из опубликованных в 1930 г. воспоминаний Е. И. Жуковской. Не называя заглавия статьи, Жуковская сообщает, что в бытность ее членом Знаменской коммуны (1863 г.) Слепцов написал и отправил в типографию «Современника» критическую статью, в которой «он разнес Островского». По словам Жуковской, Некрасов, ознакомившись с содержанием статьи уже в корректуре, «хвалил оригинальность ее мыслей и очень сокрушался, что не может напечатать такой прекрасной статьи из боязни поссориться с автором критикуемых сочинений». После отказа Некрасова Слепцов предложил статью Благосветлову для «Русского слова», но тот возвратил ее автору, назвав «просто сумбурной». Прочитав ответ Благосветлова, Слепцов будто бы рассердился, «разорвал корректуру и бросил в топившуюся печь»¹.

Однако статья Слепцова не погибла бесследно: один экземпляр гранок этой статьи оказался в той части бумаг А. Н. Пыпина, которая хранится в Архиве Академии наук СССР в Ленинграде². Гранки не имеют каких-либо следов авторской или редакторской правки и составляют две «формы», первая — четыре полосы, вторая — три; подписаны они инициалами автора (В. С.). На полях каждой из гранок имеется помета: «2 корр<ектура> окт. 27». Кроме того, на обороте первой гранки красным карандашом рукой неустановленного лица написано: «Об Островском Слепцова». На второй гранке имеется заглавие: «О театре», сделанное чернилами рукой неустановленного лица, а на обороте ее, теми же чернилами и той же рукой: «Его высокоблагородию Александру Николаевичу Пыпину». Возможно, что заглавие статьи не принадлежит Слепцову.

В третьем томе монографии В. Е. Евгеньева-Максимова о «Современнике» указано, что статья Слепцова о «Доходном месте» упоминается в счетах типографии в редакцию журнала за набранные и запрещенные цензурой статьи, предназначавшиеся для № 10 «Современника» 1863 г.³ Следовательно, статья все же послышалась в цензуру. Действительно, в «Журнале заседаний С.-Петербургского цензурного комитета» от 30 ноября 1863 г. читаем: «Статья по поводу восьмилетнего недопущения на сцену комедии Островского „Доходное место“, где автор заметно проводит мысль о том, что прежде надеялись на искоренение наших недостатков силою общественного мнения и что в настоящее время эта надежда исчезла, так как общественное мнение умолкло. *Определено:* в настоящем виде статьи не дозволить к напечатанию»⁴.

Статья Слепцова написана в связи с первой (после длительного запрещения) постановкой комедии «Доходное место» на сцене Александринского театра 27 сентября 1863 г. Но эта постановка явилась для Слепцова лишь поводом написать статью в жанре театральной рецензии, посвященную, однако, не разбору спектакля, а критике либеральных реформ 1860-х годов. Выступить в подцензурной печати с прямым разоблачением нового реакционного курса правительства и резкого поправления либерального общества в 1863 г. Слепцов, конечно, не мог. Поэтому он и придал своему выступлению форму критической статьи о пьесе Островского. Чтобы дезориентировать цензуру, Слепцов уверяет в статье, будто в этой пьесе прославляется общественное мнение как некая всемогущая сила, способная удовлетворить все насущные нужды народа. Благодаря такому приему, ему удастся показать как, в действительности, несостоятельны подобные взгляды на роль общественного мнения в политически бесправной стране.

Следует отметить, что Слепцов все время относит опубликование «Доходного места» к 1855 г., тогда как эта пьеса впервые была напечатана в № 1 «Русской беседы» 1857 г. (в 1855 г. «Русская беседа» еще даже не существовала).

1855 год был памятен русскому обществу как знаменательная веха на его историческом пути. В этом году умер Николай I; в этом же году крах Крымской войны обнаружил перед всем народом полный кризис крепостнической системы. Необходимость решительных преобразований в общественной и государственной жизни России стала очевидной. В то время не только либералы, но и некоторые демократы разделяли иллюзию будто путем реформ, силою общественного мнения можно решить основной вопрос русской жизни — вопрос о крепостном праве. Именно против такого рода воззрений и направлен подтекст слепцовской статьи.

В целях защиты от цензуры Слепцов проводит в статье явно неверную и демонстративно-наивную мысль якобы «Доходное место» потому не имело успеха у зрителя, что автор пьесы ополчался в ней на те отрицательные явления общественной жизни (взятки, лихоимство и т. п.), которые к тому времени стали уже будто бы анахронизмом.

Таким образом, внешне статья Слепцова вполне «благонамеренна». Автор ее рассуждает о том, что публика ждала, дескать, от «Доходного места» отклика на важнейшие вопросы современности, а в пьесе идет речь о давно изжитых социальных пороках русского общества. Ирония этого рассуждения для читателя-демократа была очевидна. Особенно остроумно сатирическое утверждение, будто эти пороки уничтожены раз и навсегда не силою общественного мнения, в могущество которого якобы верует автор «Доходного места», а «теми лицами, которым присвоено право карать и миловать». И так как благотельное начальство — издевательски рассуждает Слепцов — само очистило страну от всех пороков, то «основная идея комедии потеряла для общества всякое значение». Поэтому и публика совершенно права в своем равнодушии к пьесе. Всю последующую часть статьи Слепцов посвящает доказательствам этого «положения», сформулированного автором в сатирически-обличительных целях.

Остановимся еще на некоторых местах статьи, требующих пояснений. Слепцов привлекает внимание читателя к монологу Жадова: «Я говорил, что у нас пробуждается сознание своих недостатков, а в сознании есть надежда на лучшее будущее. Я говорил, что начинает создаваться общественное мнение (<...>, что в юношах воспитывается чувство справедливости, чувство долга, и оно растет, растет и принесет плоды. Не увидите вы, так мы увидим и возблагодарим бога».

Слепцов нарочито рассуждает о том, как могла бы реагировать на этот монолог публика в различные годы. Это рассуждение любопытно тем, что Слепцов вводит в него характеристику политических настроений русского общества бурного периода конца 1850-х — начала 1860-х годов, т. е. от нарастания волны демократического натиска до ее спада. Так, в 1856 г., после приведенных слов Жадова, в зале произошел бы «страшный грохот». В 1859 г. эти слова были бы встречены «неудержимым бравом», «восторженным воплем», а актера, игравшего эту роль, может быть, даже заставили бы «повторить этот блестящий монолог». «... в 1860 году, да, пожалуй, еще и в 1861, в начале, вероятно, нашлись бы люди, которые бы порадовались от души гибели сановного мошенника г-на Вышневецкого». «И, вероятно, — читаем в статье, — в ту минуту, когда Юсов „показывается в дверях“ и весь бледный и растерявшийся произносит роковые слова: „С Аристархом Владимыричем удар...“, а г-жа Вышневецкая „слабо вскрикивает: Ах!“, — в это время... я воображаю, как заревел бы *раек* в это время! Какие свирепые возгласы самого искреннего злорадства полетели бы сверху на погиль общественно-го зла. Многим, вероятно, в это время уже начало казаться, что с *Вышневецким вместе сокрушился и весь порядок, создавший Вышневецкого и Юсова*, и всю братию сразу пришибла какая-то сверхъестественная апоплексия» (курсив мой. — В. Б.). Смысл этих слов исторически конкретен: раек — это социальные низы народа, массы, для которых «погибель общественного зла» — ликвидация самодержавно-крепостнического строя — была бы высшим благом. Но победила реформа, а не революция, — с горькой иронией констатирует дальше на своем эзоповском языке Слепцов: «дело обошлось без скандала, который, как известно, возбуждает страсти, а они в свою очередь мешают так называемому мирному прогрессу».

Отношение Слепцова собственно к пьесе Островского уяснялось из основного, подспудного содержания его статьи, посвященной анализу русской общественной жизни 1863 г. С одной стороны, Слепцов отдает должное реализму драматурга, подчеркивая поразительную верность, с которой изображена у него русская жизнь, и отмечая, что в большинстве произведений Островского (в том числе и в «Доходном месте») заключались «более или менее ясные ответы на разные жизненные задачи». С другой стороны, он не только считает вполне закономерным неуспех «Доходного места» в 1863 г., но и полностью разделяет и оправдывает отношение публики к пьесе: «Автор в этом, конечно, не виноват, комедия ничего не потеряла. И автор, и публика правы, а, между тем, спектакль не удался». Эта мысль в различных вариантах неоднократно повторяется на протяжении всей статьи: «и пьеса хороша, и публика тоже хороша»; «пьеса не совсем удалась на сцене, т. е. она сама-то удалась, да только эффекта большого в публике не произвела». Смысл всех этих намеков в том, что либеральные речи Жадова, которые производили впечатление в конце 50-х годов, решительно отвергаются публикой в начале 60-х годов как краснобаство, пустая фразеология.

Углубляя характеристику Жадова, Слепцов обращает внимание читателя на пятое действие пьесы, в котором Жадов «плюет на свои „честные правила“ и идет просить *доходного места* у человека, которого знает за бесчестного». К этому эпизоду, как известно, во время появления в печати «Доходного места», было привлечено внимание критики. Либеральная критика была возмущена «падением» Жадова. По другим причинам был недоволен пятым действием и Чернышевский⁵. Он считал «спасение» Жадова не характерным для общественных отношений того времени⁶. Добролюбов же по этому поводу писал так: «Мы в этом не только не обвиняем Островского, но, напротив, видим доказательство силы его таланта. Он, без сомнения, сочувствовал тем прекрасным вещам, которые говорит Жадов; но в то же время он умел почувствовать, что заставить Жадова *делать* все эти прекрасные вещи — значило бы исказить настоящую русскую действительность. Здесь требование художественной правды остановило Островского от увлечения внешней тенденцией и помогло ему уклониться от дороги гг. Соллогуба и Львова. Пример этих бездарных фразеров показывает, что смастерить механическую куколку и называть ее *честным чиновником* вовсе не трудно; но трудно вдохнуть в нее жизнь и заставить ее говорить и действовать по-человечески»⁷. В общественно-политических условиях 1863 г. Слепцов иначе, чем Чернышевский и Добролюбов, судит героя пьесы. Он предлагает изменить ее концовку: поручить Жадова бдительному надзору Юсова и «на упразднившееся же затем место г. Белогубова определить исправляющим должность героя, впредь до утверждения его в сем благородном звании». Другими словами, Слепцов безоговорочно относит Жадова к лагерю угнетателей.

В этой связи в статье возникает общий вопрос: кто же в глазах публики, точнее, демократической, оппозиционно настроенной молодежи, является подлинным героем? Ответ на этот вопрос содержится в следующих словах статьи: «Публика наша, как видно, не удовлетворяется героями, способными сколзыть и падать. Рефлексия, анализ, борьба с самим собою, падения и примирения — ей не нравятся. Коли уже герой, так подавай настоящего, чтобы и подковы гнул и действовал *по собственному капризу и по своей воле...*» Нет сомнения, что в этих словах содержался намек на Рахметова — подлинного героя молодой борющейся России.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Е. И. Жуковская. Записки. Л., 1930, стр. 185—186.

² В настоящее время обнаруженные нами гранки переданы в ИРЛИ в фонд корректур «Современника».

³ В. Е. Евгеньев-Максимов. Последние годы «Современника». 1863—1866. Л., 1930, стр. 68.

⁴ ПГИАЛ, ф. 777, оп. 1, ед. хр. 52, л. 248 об.

⁵ «Заметки о журналах». — Чернышевский, т. IV, стр. 734

⁶ Там же, стр. 734.

⁷ «Темное царство». — Добролюбов, т. II, стр. 51.

(О ТЕАТРЕ)

В конце сентября 1863 года на сцене здешнего театра появилась в первый раз, написанная несколько лет тому назад, комедия Островского «Доходное место». Пьесу эту постигла довольно неприятная участь. Напечатана она была еще в 1855 году в «Русской беседе» и до сих пор не допускалась на сцену. Впрочем в этом еще нет ничего необыкновенного. Есть такие пьесы и такие книги, мемуары разные, которым суждено являться в свет гораздо позже того, нежели как предполагали их авторы. Что касается мемуаров, например, то это еще куда ни шло. Мемуары, как известно, пишутся для потомства и приобретают особую прелесть только тогда, когда половина листов их, по крайней мере, съедена мышами или растеряна. Но ведь это мемуары; что же касается драматических произведений и при том таких, которые заключают в себе интерес временный и скоропроходящий, то вряд ли они выиграют что-нибудь от того, что полежат несколько лет без употребления. Комедии, по-видимому, для того и пишутся, чтобы их играть, а публика должна смотреть, а вовсе не читать. В журналах и вообще в книге всякая живая пьеса теряет в чтении, по крайней мере, 50 %, да и прочтут-то не многие. А еще если пьеса писана *по поводу* какого-нибудь насущного вопроса (как это и вышло в настоящем случае), то чрез несколько лет она и смысла никакого иметь не будет.

Главное достоинство таланта Островского, как известно, заключается в необыкновенной верности, с которою воспроизводится им действительность; в умении ловить ее, так сказать, на самом месте преступления и воспроизводить целиком, со всеми ее минутными интересами и даже с тем особенным запахом, который присущ изображаемому им миру. Но так как застигнутый им жизненный процесс непременно вырабатывает в эту минуту какой-нибудь жизненный вопрос, то все почти произведения Островского заключают в себе более или менее ясные ответы на разные жизненные задачи. К числу таких произведений относится и «Доходное место», изображающее борьбу так называемого «нового поколения» с отживающим. Ареною для состязания избрана была служебная деятельность. Неизбежные в то время взятки играют в комедии очень важную роль, лихоимство карается, бескорыстие торжествует. Автор с неподражаемой верностью* тогдашнюю действительность, борьбу и характеры действующих лиц. Вопрос о честности и прочих гражданских доблестях разрешается в комедии на основании существовавших в то время данных, и так как художник постоянно остается верен действительности, то и решение этого выходит верно. Но при этом не следует забывать, что ведь вся эта процедура происходит в сфере искусства, в жизни же не всегда так бывает; не всегда раз решенные вопросы на век остаются решенными. В жизни очень часто выходит даже навыворот.

Но мало ли что бывает в жизни. Мы говорили о спектакле, о временном запрещении пьесы и о том, что пьеса не совсем удалась на сцене, т. е. она сама-то удалась, да только эффекта большого в публике не произвела. И публика в этом случае поступила основательно: пьеса несколько запоздала. Автор в этом, конечно, не виноват, комедия ничего не потеряла. И автор, и публика правы, а между тем спектакль не удался. Какая же тому причина? Причина очень простая. Спрашивается, кому в настоящее время интересно смотреть, как поражаются взяточники и предаются общественному поруганию? Кто же не знает, что в наше время, благодаря уменьшению штатов и увеличению содержания, нет уже никакой необходимости брать взятки; а поэтому и гонение, воздвигаемое на лихоимство,

* Пропуск в тексте.—Ред.

КАРИКАТУРА, ВЫСМЕИВАЮ-
ЩАЯ ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПОПЫТ-
КИ БОРЬБЫ СО ВЗЯТОЧНИЧЕ-
СТВОМ

Гравюра П. Куренкова
с рисунка Н. А. Дмитриева-
Мамонова

«Искра», 1860, № 17

«Кто же не знает, что в наше
время, благодаря уменьшению шта-
тов и увеличению содержания, нет
уже никакой необходимости брать
взятки...» (Из статьи Слепцова
о «Доходном месте»)

Грав. П. Куренков.

— Как ты думаешь, Хлудяк, уменьшится взяточничество,
если прибавить чиновникам жалованья?
— Сам по себе лучше плодотворнее.

следует считать делом не только бесплодным, но даже безумным. Зачем же преследовать то, чего не существует? Зачем ругаться над взятками, когда их никто не берет?

Мы так быстро идем вперед, что то, что еще два, три года тому назад возбуждало всеобщее негодование, в настоящую минуту уже не затрагивает ничего внимания. Что такое доходное место? У нас нет доходных мест, или, лучше сказать, у нас всякое место — доходное место. Таким образом, в каких-нибудь восемь лет основная идея комедии потеряла для общества всякое значение. Да не только что восемь, а всего два года тому назад еще были места более или менее *теплые*, но по мере того как сердца наши стали раскаляться самоотвержением, а пламенная любовь к отечеству стала всё более и более распространяться между нашим чиновным людом и мало-помалу вытеснить прежний суровый и холодный эгоизм, резкие переходы от жара к холоду сгладились, и, вероятно, недалеко уже то время, когда на каждой данной точке нашего отечества *температура места* уравнивается совершенно и остановится на вожделенном «ни тепло, ни холодно», на температуре парного молока. А ввиду такого недалекого будущего и с такими задатками, разумеется, мы не можем сочувствовать писателю, говорящему устами одного из своих героев: «Я буду ждать того времени, когда взяточник будет бояться суда общественного больше, чем суда уголовного» («Доходное место», д. V, явл. 4). С грустной улыбкой сожаления слушаем мы актера, произносящего эту легкомысленную фразу, и хочется сказать ему в ответ: — «Дождидайся, голубчик, дождидайся! Мы уж дождались, да только вовсе не того». Да, года два, три тому назад такая мысль могла бы еще кому-нибудь понравиться, но

теперь она не вызвала ни малейшего одобрения, она была встречена публикою холодно и безучастно. Причина этой холодности весьма понятна. Два, три года тому назад в публике хранился еще остаток того мнения, будто бы общественное мнение есть рычаг, и на этот рычаг многие очень надеялись и думали приложить его, между прочим, к искоренению лихоимства, подобно тому, как искорежают старые пни. К числу таких мечтателей, как видно, принадлежит и г. Жадов, главный герой комедии «Доходное место». До какой степени несостоятелен и легкомыслен такой лесопромышленный взгляд на общественное мнение, стало для нас вполне ясно только теперь, когда у нас на глазах совершилось искоренение лихоимства, без всякой помощи общественного мнения, без театральных эффектов, без всех этих оплеваний и заушений, которых с таким нетерпением ожидал г-н Жадов и ему подобные ненадежные чиновники. Тихо, скромно, благородно, с помощью некоторых административных мер, путем сокращенной переписки, неслышно прошла реформа и — лихоимство, старое, закоренелое зло, насквозь прососавшее наше чиновное насилие, — как рукой сняло. Общественное мнение вдруг увидало себя в таком положении, в каком должна находиться горчица, когда ее подают после ужина: никто уже в ней не нуждается.

Потому-то так и странно было видеть, когда г-н Жадов задирает нос перед своим начальником и все пугал его общественным мнением. И это вышло до того смешно, что, вероятно, и г-н Нильский, игравший роль Жадова, сам чувствовал всю неловкость своего положения. Потому-то, вероятно, он все отворачивался от г-на Вышневецкого. Нильскому, должно быть, стыдно было взглянуть ему прямо в глаза. Положение тем более неловкое, что г-н Нильский, играя эту роль, не мог же забыть, наконец, что он играет не в 1855 году, когда еще существовали взятки, а в 1863, когда их уже нет и когда гласного судопроизводства хотя тоже еще нет, но скоро будет, и следовательно, ввиду предстоящей судебной реформы приличнее и сообразнее с обстоятельствами было бы выразиться, например, хотя бы следующим образом: «Я буду ждать того времени, когда взятчик не будет бояться никакого суда ни гражданского, ни уголовного, а токмо суда присяжного». Такого рода несообразности в пьесе суть необходимые результаты ее временного запрещения. Пьеса значительно отстала от хода событий и потому идет несколько в разлад с современными интересами. И промахи замечаются именно в тех местах, которые лет восемь тому назад непременно вызвали бы гром рукоплесканий. Я представляю себе, какой страшный грохот пошел бы по зале в 1856 году, например, при следующих словах г-на Жадова, который, «начиная тихо, но постепенно одушевляясь», говорит: «Я говорил только, что в наше время общество мало-помалу бросает прежнее равнодушие к пороку, слышатся энергические возгласы против общественного зла... Я говорил, что у нас пробуждается сознание своих недостатков, а в сознании есть надежда на лучшее будущее. Я говорил, что начинает создаваться общественное мнение... что в юношах воспитывается чувство справедливости, чувство долга, и оно растет, растет и принесет плоды. Не увидите вы, так мы увидим и возблагодарим бога». Я представляю себе, какое неудержимое браво, какой восторженный вопль вырвался бы из груди нашей публики после этой цитаты даже в 1859 году. Какой энтузиазм овладел бы партером, сколько раз к ряду вызвали бы актера, игравшего эту роль, и, может быть, даже заставили бы его повторить этот блестящий монолог! Я думаю, что даже и в 1860 году, да, пожалуй, еще и в 1861, в начале, вероятно, нашлись бы люди, которые бы порадовались от души гибели сановного мошенника г-на Вышневецкого. И, вероятно, в ту минуту, когда Юсов «показывается в дверях» и весь бледный и растерявшийся произносит роковые слова: «С Аристархом Владимирычем удар»..., а г-жа Вышневецкая «слабо вскрикивает: Ах!» в это

время... я воображаю, как заревел бы раек в это время! Какие свирепые возгласы самого искреннего злорадства полетели бы сверху на погибель общественного зла. Многим, вероятно, в это время уже начало казаться, что с Вышневым вместе сокрушился и весь порядок, создавший Вышневого и Юсова, и всю братию сразу пришибла какая-то сверхъестественная апоплексия. Да в 1861 г., в начале, всё это еще могло бы случиться, но теперь, в 1863 году, в конце, такие спектакли совсем невозможны. Да и зачем? Не лучше ли было случиться тому, что уже случилось: лихоимство уничтожено, порок наказан, но наказан тихо, келейно и притом теми лицами, которым присвоено право карать и миловать, а не судом общественного мнения, которому никто и никогда не давал права не только карать, но даже и миловать? Не лучше ли это? А, главное, не лучше ли, что дело обошлось без скандала, который, как известно, возбуждает страсти, а они в свою очередь мешают так называемому мирному прогрессу.

Из всего вышеизложенного легко выводится заключение такого свойства: хотя временное недопущение драматического произведения на сцену и вредит иногда успеху пьесы, но зато эта мера ни в каком случае не может оказать вреда для общественной нравственности. Можно бы, пожалуй, вывести и другие заключения, но к чему?

Объяснив главную и общую, так сказать, причину, вследствие которой комедия Островского не могла пользоваться вполне заслуженным успехом, нельзя отказать себе в удовольствии и не вдаваться по этому поводу в некоторые частности, которые тем более любопытны, что, будучи подстроены надлежащим образом, должны служить новым доказательством вышеописанного положения, а именно, что и пьеса хороша, и публика тоже хороша.

«Доходное место» появилось в печати в самом начале так называемого «обличительного периода», когда взятка впервые предстала нашему воображению во всем блеске. Но в то время взятка, как и все неясно понятное, представлялось чем-то внешним, каким-то гнойным наростом, привитым разными внешними случайными обстоятельствами. Тогда и средства предлагались против этого недуга, средства, разумеется, более наружные. С этим временем совпадает появление в нашем обществе нескольких геройских личностей так называемых «бойцов за правду», рыцарей бескорыстия, поставивших себе задачею — преследовать лихоимство и подавать собою пример служебного бескорыстия.

Но самая ясность и видимая определенность этой задачи и показала сейчас же на опыте, до какой степени односторонне и поверхностно смотрели эти господа на дело, во имя которого затевали борьбу. Бескорыстием, — как и следовало ожидать, — они никого не удивили, а уничтожить лихоимства не могли, потому что лихоимец всегда представлял им такие практические аргументы, на которые возражать они были не в силах, потому что и возражения требовались тоже практические, а их-то вот именно и не было. К числу таких дон-кихотов принадлежит и герой комедии «Доходное место». Я предполагаю, что читателям «Современника», должно быть, известно содержание комедии, и герой ее, г-н Жадов, тоже известен. Читатели, вероятно, поняли, что г-н Жадов — это в некотором смысле Гамлет, русский Гамлет, и служит, если хотите, современным представителем того же типа, к которому принадлежит и Чацкий, так как Чацкий тоже в своем роде Гамлет. И если их всех троих поставить на одну доску, то сходство и родственные черты окажутся поразительные. Начнем с внешних признаков. Все трое — молодые люди, ставшие в самое крайнее противоречие с окружающей их жизнью; все трое одинаково слабы волею; все трое влюблены в глупых, но красивых девиц, и всех троих считают полоумными. Гамлет настоящий, шекспировский Гамлет, борется с жизнью, борется с самим собою, но как в том, так и в другом

случае выказывает большую склонность к риторике. Впрочем, под конец и у него все-таки не обходится без драки, вследствие которой герой погибает: из чего зрители выводят совершенно правильное заключение, что принц, кроме слабости воли, и по части фехтовального искусства успехи тоже оказывал слабые. Здесь, по-видимому, Шекспир заплатил дань своему времени и уморил своего героя совершенно случайно, но в строгом смысле оно выходит необыкновенно последовательно. Такому господину, каков был Гамлет, на роду написано не сдобровать, и рано или поздно, всё равно, пришлось бы дни свои покончить насильственной смертью. Что же касается наших соотечественников, Чацкого и Жадова, то они оба хотя тоже борются и к риторике тоже склонны, но в рукопашный бой ни с кем не вступают, потому, вероятно, что живут в более цивилизованном обществе, где подобные дебоши не допускаются. Конечно, и за них трудно поручиться. Будь они на месте датского принца, еще это одному богу известно, что бы они наделали. Но, к счастью, оба наши героя москвичи и при том русские дворяне (относительно Чацкого, по крайней мере, доподлинно известно, что он был дворянин, да и Жадов тоже, как видно, не из поповичей, доказательством служат его родственные связи с сановными особами), оба отличаются хорошими манерами и, хотя позволяют себе относиться к старшим не совсем почтительно, однако и в этом случае даже выражаются более или менее литературно и ругаются даже несколько уклончиво, никому в глаза не говорят: ты подлец, а берут вопрос в широком смысле, бранят Москву, общественное зло, невежественное *большинство* и проч. Это объясняется отчасти условиями времени и места, в которых они врачаются, при том же дело не в словах.

Нет, в том-то вся штука, что для наших героев все дело в словах. В этом-то и заключается единственная причина их бессилия, в этом вся их и сила. «Слова, слова, слова!» — бессмертные слова, произнесенные прототипом всех наших Гамлетов, слова кабалистически запечатлевшие чело наших героев... Бедные! Сурово обошлась с вами жизнь! Но кто же виноват? Кто же виноват?! Вы ее не поняли, да, правду сказать, вы и не очень-то в нее углублялись: нервы у вас как-то слабы и желания изучать ее было мало. Надо вам отдать справедливость, — вы умыны, но не очень. Красивые фразы, красивые страдания и красивые женщины были для вас всегда дороже дела. Вы не знали что делать, это правда. Но тем хуже для вас, друзья мои, тем хуже для вас! Что же вы за герои после этого, если вы не знаете, что вам делать, не знаете, куда деваться с вашим героизмом?... А потому на все ваши стенания, на все ваши проклятия один ответ: слова, слова!.. Лучший и даровитейший из вас долго ломал себе голову и никак не мог придумать, на что решиться. Его, видите ли, очень затруднял вопрос:

Что доблестнее для души?
Сносить удары оскорбительной судьбы,
Или вооружиться против моря зол
И победить его, исчерпав разом? *

другой идет

...искать по свету
Где оскорбленному есть чувству уголок **,

а третий, наш современник, после четвертой рюмки, в трактире, признается чистосердечнейшим образом совершенно незнакомому человеку, говоря:

«Какой я человек? Я ребенок, я об жизни не имею никакого понятия. Все это для меня ново... мне тяжело! Не знаю, вынесу ли я! Кругом разврат, сил мало! Зачем же нас учили!..» («Доходное место», д. III, явл. 4).

* «Гамлет». — *Прим. Слепцова.*

** «Горе от ума». — *Прим. Слепцова.*

Как вам это нравится? Какова сирота! Действительно непонятно, зачем их учили.

Общественная жизнь по мере своего развития постоянно вырабатывает разного рода общественные типы. Одни из них проходят ряды поколений, сохраняя в продолжении многих лет одни и те же характеристические черты, и только видоизменяются самым незначительным образом, смотря по месту и времени. Это самые крупные типы. Другие же вдруг вырастают, как грибы, и, прожив два, много три поколения, быстро вырастают и исчезают без следа. Долговечность первых объясняется тем, что они служат постоянными и почти бессменными представителями таких свойств человеческой природы, которые не только по существу своему неизбежны, но еще заключают в себе задатки будущего развития. Таковы, например, типы народных героев, народные мифы. Чем более сходства замечается между героем одного какого-нибудь народа с героями прочих, тем более он приобретает права на общечеловеческое значение и тем более, следовательно, заключает в себе общечеловеческих свойств. Но так как многие народы, кроме того, упражняют и свои мыслительные способности и постоянно разрабатывают известного рода социальные начала, то в каждом более или менее развитом обществе являются время от времени и представители таких свойств и таких способностей, которые в известной стране в данное время признаются наилучшими или же кажутся почему-нибудь особенно привлекательными, или особенно ненавистными. Эти представители, в свою очередь, тоже развиваются, совершенствуются и видоизменяются и, наконец, становятся достоянием литературы, где уже приобретают ту законченную и определенную форму,

В БОЛОТЕ

Карикатура на «общественное мнение»

Рисунок неизвестного художника

«Будильник», 1869, № 38

в которой являются впоследствии олицетворенными в Тартюфов, Фаустов, Гамлетов, Манфредов и проч., и проч. Приведенное выше сопоставление трех различных представителей одного и того же типа (Гамлета, Чацкого, Жадова) сделано было с целью показать, до какой степени сильно на преемственность одних и тех же качеств в личностях, отделенных друг от друга значительными промежутками времени и при том принадлежащих к разным народностям, в политическом и социальном положении которых, по-видимому, нет ничего общего. Это странное сходство, наводящее на мысль о подражании, объяснится очень просто, как только мы найдем главную черту, характеризующую всех трех героев, и когда объясним себе ту общую причину, которая вызывает в жизни такого рода явления.

Что такое Гамлет? Прежде всего Гамлет совсем не герой, т. е. в смысле нравственного и умственного превосходства, Гамлет — обыкновенный смертный и служит представителем одной стороны общества, той стороны, в которой время от времени пробуждается сознание своих прав и которая вследствие этого протестует против того бесправия и невежества, которое стремится все поглотить. Между этими двумя сторонами безмолвно идет вечная и бесконечная борьба. То одна сторона осилит, то другая. Когда невежество начинает одолевать, тогда, по-видимому, всё идет отлично, и в литературе хоть шаром покати: всё тишь да гладь, да божья благодать. Тут вот сейчас же и является Гамлет, т. е. тот милый молодой человек, который потерял, наконец, всякое терпение и говорит: Что ж это такое, господа? На что же это похоже? Во всякой толпе бывает свой Гамлет. Например, когда все лезут к кассе за билетами или прикладываться, ведь всех, по-видимому, одинаково жмут, однако все молчат, а один кто-нибудь вдруг и заорет: «Батюшки, задавили!» Вот это Гамлет-то и есть, хотя, может быть, это старуха какая-нибудь. Но это ничего не значит. Гамлет большею частью бывает человек слабый и даже недалекий, потому-то он и не герой. В каждой стране есть свой Гамлет, и по этому Гамлету всегда можно узнать, каков общественный уровень в такой-то стране, в такое-то время. Если уровень плох, то и Гамлет плох, если же уровень до того возвысился, что начинает даже забываться, то и Гамлет непременно забывается. Потому-то сей последний обыкновенно и не знает сам, почему он желает того или другого, потому-то Гамлет может поступить на службу, влюбиться, жениться, падать и опять подниматься, и всё ему, как с гуся вода.

Последний Гамлет, наш г-н Жадов, сам говорит об этом же предмете следующее:

«Всегда, во все времена, были люди, они и теперь есть, которые идут наперекор устаревшим общественным привычкам и условиям. Не по капризу, не по своей воле, нет, а потому, что правила, которые они знают, лучше, честнее тех правил, которыми руководствуется общество. И не сами они выдумали эти правила: они их слышали с пастырских и профессорских кафедр, они их вычитали в лучших произведениях русских и иностранных. Они воспитались в них и хотят их провести в жизнь. Что это не легко, я согласен. Общественные пороки крепки, невежественное большинство сильно. Борьба трудна и часто пагубна; но тем больше славы для избранных: на них благословение потомства; без них ложь, зло, насилие выросли бы до того, что закрыли бы от людей свет солнечный...» («Доходное место», д. IV, явл. 8). В таких не совсем толковых выражениях объясняет Жадов уже совсем бестолковой жене своей, Полине, назначение общественного деятеля, каковым, очевидно, считает и себя. Из этого же объяснения заметно, что герой действует и в настоящем случае *не по собственной воле* и говорит с женою

Иначе он должен же был бы понять, что все эти рассуждения о пастырских и профессорских кафедрах относятся к такой особе, как г-жа Жадова, решительно, как к стене горох. Но как бы то ни было, а в словах Жадова есть кое-что и правды. Без таких людей, о которых он говорит, действительно жить на свете было бы уж совсем скверно, и хотя солнечный свет, по всей вероятности, и не закрылся бы совершенно, но и среди белого дня человечество чувствовало бы себя не совсем в безопасности. Впрочем, не много ли уж берет на себя г-н Жадов? Эта проклятая тьма, чёрт ее знает, как-то всегда так ухитрится, что в конце непременно поборет свет, так что в строгом смысле человечеству всё как-то приходится жить более или менее

Во светлой мрачности блистающих ночей.

И причина такого печального обстоятельства лежит, надо полагать, несколько глубже того, нежели как полагает г-н Жадов. Не заключается ли она скорее в самом существе тьмы и света, т. е. в их различии и в той борьбе, которая тянется между ними еще со времен Ормузда и Оримана? А эту часть г-н Жадов, как видно, плохо изучил.

Вам, господин Жадов,

Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда.

Такие люди, как г-н Жадов, сами даже немножко смекают, что они хотя и *избранники*, но действуют *не по собственной воле*. Очевидно, что они находятся под чьим-то влиянием и действуют по чьему-то тайному внушению, в чем г-н Жадов и не преминул сознаться, говоря, что люди, подобные ему, «не сами выдумали эти правила; они их слышали с пастырских и профессорских кафедр, они их вычитали в лучших сочинениях русских и иностранных».

Таким образом, мало-помалу открывается, что герой сам по себе птица не важная. Как легко поддался он влиянию «честных правил», так же легко поддается и сладострастному влечению к своей милой супруге. (Иначе нельзя объяснить страсти к женщине, которую считаешь глупой и не уважаешь и которая, в свою очередь, тебя тоже считает глупым и не уважает.) Г-н Жадов поддается этому влечению до такой степени, что плюет на свои «честные правила» и идет просить *доходного места* у человека, которого знает за бесчестного. Изю всего этого видно, что у г-на Жадова и убеждения довольно жидки, да и вообще герой оказывается во всех отношениях очень-таки пвах, и если попал в герои, то это случилось, вероятно, как-нибудь нечаянно, по недосмотру, и, следовательно, оправдать доверие публики не может, а этим уже совершенно исчерпывается вопрос о причине неуспеха комедии «Доходное место». Какое же заключение из всего этого следует вывести? Заключение такое: комедия, бесспорно, хороша, но публике очень нравиться не может, потому что герой совсем не герой и занимается вовсе не тем, чем следует. Так? Оно, может быть, и не так, ну, да делать нечего. Теперь еще насчет публики нужно сказать два слова.

Публика наша, как видно, не удовлетворяется героями, способными скользить и падать. Рефлексия, анализ, борьба с самим собою, падения и примирения — ей не нравятся. Коли уж герой, так подавай настоящего, чтобы и подковы гнул и действовал *по собственному капризу и по своей воле*, а то какой же он и герой после этого?

По-моему, публика рассуждает основательно. Но как же теперь поступить, чтобы, по крайней мере, хоть сколько-нибудь удовлетворить справедливому требованию публики? Где взять героя, если нет? В крайнем случае можно было бы поступить таким образом: Жадова за негодность

можно бы, лишив всех неправильно присвоенных ему почестей, удалить от занимаемого им ныне амплуа и, по надлежащем увещании, из героев разжаловать в статисты, а впредь до исправления отдать под надзор опытного режиссера. Но так как в числе обстоятельств, более или менее уменьшающих вину Жадова, есть одно очень важное, а именно: Жадов по добровольному раскаянию признался в том, что действовал почти во всех случаях *не по собственной воле*, следовательно, по принуждению; неудовлетворительным же оказался потому, что, находясь под запрещением с 1855 года, выпущен был на сцену не ранее 1863 года, и по этой причине собственно возложенного на него доверия оправдать не мог: то — принимая во внимание его юношеский возраст и шаткость убеждений, можно бы поступить с ним вот как: лишив только некоторых, присвоенных театральным героям прав и преимуществ, — поручить его бдительному надзору г-на Юсова; с тем, однако, чтобы Жадов открыл предварительно: где находятся и кем именно заняты те пастырские и профессорские кафедры, о которых он упоминает в IV действии, во время разговора с женою, и от кого именно получал он те сочинения, русские и иностранные, из которых вычитал свои *правила*; на упразднившееся же за тем место г-на Белогуба определить исправляющим должность героя, впредь до утверждения его в сем благородном звании. Что же касается прочих действующих лиц комедии, то относительно их можно бы ограничиться следующими мероприятиями: во-первых, приняв во внимание преклонные лета г-на Вышневого, а также и многолетнее управление вверенною ему частью, равно как и расстроенное здоровье, вследствие постигшей его неприятности по службе, — предоставить ему, г-ну Вышневскому, средства оправдаться, не лишая, однако, занимаемого им поста в комедии; во-вторых, внушить г-же Кукушкиной, чтобы она дочерей своих, ежели у ней впредь таковые будут, держала в повиновении и отнюдь не допускала их ко вступлению в замужество с такими неблагонадежными чиновниками, каким оказался Жадов. Впрочем, сообразуясь с новейшими требованиями публики, можно бы допустить и еще кое-какие незначительные изменения в пьесе. Так, например, можно бы принудить Жадова испросить у г-на Вышневого прощение в легкомысленно нанесенных ему оскорблениях, а под конец даже сделать так, чтобы Жадов во всем раскаялся, постарался бы заслужить доверие своего начальника и совершенно загладил бы заблуждения своей юности. Все сии меры тем более оказались бы действительными, что и публика, видя такое беспристрастие, и на будущее время с большим доверием стала бы смотреть на распоряжения театральной дирекции вообще и начальника репертуарной части в особенности.

<1863 г.>

Корректурные гранки. ИРЛИ, ф. 628, оп. 2, ед. хр. 197.